

Самсонова Екатерина Максимовна

НАКЛОНЕНИЕ ОБЫЧНО СОВЕРШАЕМОГО ДЕЙСТВИЯ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В данной статье форма наклонения обычно совершаемого действия рассматривается как одно из основных синтетических средств выражения категории итеративности. Выступая как хабитуальный маркер, указанное средство придает высказыванию семантику регулярной/нерегулярной повторяемости. При выделении таких разновидностей как индивидуальное состояние и генерическое значение решающую роль играет тип субъекта (конкретный или обобщенный). В зависимости от степени нелокализованности действия во времени возникают явления переходного плана, смежные с понятием вневременности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 139-142. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.512.157

В данной статье форма наклонения обычно совершаемого действия рассматривается как одно из основных синтетических средств выражения категории итеративности. Выступая как хабитуальный маркер, указанное средство придает высказыванию семантику регулярной/нерегулярной повторяемости. При выделении таких разновидностей как индивидуальное состояние и генерическое значение решающую роль играет тип субъекта (конкретный или обобщенный). В зависимости от степени нелокализованности действия во времени возникают явления переходного плана, смежные с понятием вневременности.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; функционально-семантическая категория; итеративность; наклонение обычно совершаемого действия; хабитуальность; индивидуальное состояние; генерическое значение.

Самсонова Екатерина Максимовна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

samsonova_em@mail.ru

НАКЛОНЕНИЕ ОБЫЧНО СОВЕРШАЕМОГО ДЕЙСТВИЯ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Единичность/повторяемость действия является необходимым смысловым элементом любого высказывания. Традиционно данное значение рассматривается в рамках изучения аспектуальной и видовременной проблематики. Начиная с лингвистических исследований Ю. С. Маслова [11], А. В. Бондарко [3], Н. С. Авиловой [1], М. А. Шелякина [24] и др., повторяемость (итеративность) действия изучается в ракурсе функционально-семантического метода, предполагающего подход к языковым единицам как к единицам с определенным предназначением.

В якутском языке значение повторяемости передается сложной, разветвленной системой средств, относящихся к различным уровням (лексическому, морфологическому, синтаксическому, контекстуальному) [16, с. 184]. Помимо специальных форм с аффиксами многократности, составляющих ядро функционально-семантического поля итеративности, имеются и другие синтетические репрезентанты, которые в той или иной степени используются для выражения данной семантики. Например, форма наклонения обычно совершаемого действия («үгэс киэп»).

Рассматриваемое наклонение впервые было выделено в диссертационной работе Е. И. Убрятовой на материале языка норильских долган (1940): «обычно выполняемое действие выражается причастием на *-ааччы* с аффиксами сказуемости» [19, с. 183]. До этого долгое время оно воспринималось только как именная форма, участвующая в образовании имени деятеля (О. Н. Бетлингк [2], Д. И. Хитров [22], Н. Н. Поппе [15], Л. Н. Харитонов [21]). Наиболее подробно описание наклонения обычно совершаемого действия на материале якутского языка приведено в фундаментальном исследовании Е. И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке» (1970). Как отмечает исследователь, основное значение данной формы состоит в выражении «действий, совершающихся с точки зрения говорящего лица обычно, регулярно, более или менее постоянно в силу проявления имманентных самому субъекту свойств, постоянной способности, привычки, склонности, пристрастия его к совершению действий такого рода» [6, с. 333; 9, с. 226]. Например: *Мин эрдэ турааччыбын* / Я обычно рано встаю; *Эниги киһини кыраба да мөбөөччүгүт* / Вы обычно человека ругаете и за пустяки и т.п. Современные исследователи определяют роль наклонения обычно совершаемого действия как формального хабитуального маркера, служащего для обозначения действия, которое совершается обычно, регулярно [4, с. 105].

При функционировании форм наклонения обычно совершаемого действия в якутском языке определяющее значение имеют такие классификационные признаки повторяемости действия как: 1) указание на характер повторяемости с точки зрения регулярности/нерегулярности; 2) связь действия с условиями, от которых зависит его воспроизведение; 3) способность действия выступать характеризующим признаком субъекта и 4) степень нелокализованности действия во времени.

В зависимости от выраженности тех или иных факторов предложения с формой наклонения обычно совершаемого действия в якутском языке могут выражать различные типы значений, относящихся к сфере итеративной неоднократности:

1. Центральным случаем повторяемости признается *хабитуальное значение*, описывающее ситуацию, имеющую место регулярно. Исходя из наличия в предложении специального указания на характер повторяемости с точки зрения регулярности/нерегулярности, ситуация может быть как нехарактеризованной (не получающей непосредственного формального выражения), так и характеризованной [14, с. 11]. Характеризованный тип в предложениях с формой наклонения обычно совершаемого действия выражается с помощью специальных лексических средств, квалифицирующих ситуацию как регулярную или нерегулярную.

Основным средством выражения регулярной повторяемости, воспроизводимой через равномерные промежутки времени, являются чаще всего лексические единицы, обозначающие время суток (*сарсыарда* 'утром', *киһэ* 'вечер'), времена года (*саас* 'весной', *сайын* 'летом'), специальные темпоральные конкретизаторы (*баччаларга* 'в это время, в этот период') и конструкции с послелогом *аайы* 'каждый' (*сырыы аайы*

'каждый раз' и т.п.). Например: *Кини киэһэ мөссүйүүннэ киирээччи* / Он, как правило, каждый вечер заходил в пансион; *Биһиги, бу олорор уолаттар, бары сайын от обустарытыгар сылдааччыбыт* [26, с. 203]. / Мы, сидящие здесь парни, все летом работаем на сенокосе; *Сааскы ыһыы кэмэ тийиэн кэллэ. Киһилэдэй сыһыта баччаларга ордук тупсан, киэрэгийн көстөөччү* [20, с. 153]. / Наступило время весеннего посева. Долина Киһилэдэй (обычно) в эту пору становится особенно прекрасной; *«Байбаас дьиэтэ үчүгэй даҕаны!» диэн сырыы аайы сөбөн-махтайан кэлээччилэр* [26, с. 226]. / (Девочки) каждый раз возвращаются восхищенные: «До чего хорош дом у Байбаса!».

Нерегулярная повторяемость действия, воспроизводимая через неравные промежутки времени, выражается в комплексе с признаком повышенной или пониженной частотности с помощью лексических средств, обозначающих большой (*соробор* 'иногда', *сорох ардыгар* 'в некоторых случаях', *сөн буола-буола* 'время от времени', *хам-түм* 'редко') и малый (*сотору-сотору* 'частенько') интервалы между повторениями. Так, в предложениях с формой наклонения обычно совершаемого действия может выражаться значение *дисконтинуатива* («итератива с большими интервалами между повторяющимися событиями» [23, с. 49]): *Саша аҕата, Дмитрий Федорович, ыһахтарга соробор олонголооччу* [26, с. 88]. / Отец Саши, Дмитрий Федорович, на национальных праздниках-ысыах иногда исполняет олонхо; *Эһэ бырдахтан ууга сүүрэн киһирэн өрүһүнэ сатыыр, сорох ардыгар олус ыксаан, ыгыллан, айан дьоно оттуммут кутааларыгар тийиэн кэлэр буолааччы* [7, с. 286]. / Пытаясь спастись от мошкеры, медведь бросается в воду, но иногда, не в силах стерпеть, он подходит к кострам путников; *Кыргыттар онно сөн буола-буола мустааччылар* [26, с. 226]. / Девочки собирались там время от времени (у Людмилы Сергеевны); *Ленька... тахсан иһэн араастык туттан оҕолору күллэртиэ этэ. Ол хам-түм буолааччы* [Там же, с. 6]. / Выходя, Ленька состроил бы рожицу и рассмешил бы весь класс. Но такое случается редко.

Не так часто, но встречаются случаи выражения и *фреквентатива* («итератива с малыми интервалами между повторяющимися ситуациями» [23, с. 49]): *Ваня бырааттара... сотору-сотору охсуһан турааччылар* [26, с. 75]. / Младшие братья Вани... частенько дерутся между собой.

2. В предложениях с формами наклонения обычно совершаемого действия повторяемость в большинстве случаев связана с определенными условиями, от которых зависит его воспроизведение (значение *узитатива*). В якутском языке представлена формой условного наклонения на *-табына* как в простых, так и в сложных предложениях. Например: *Аҕам, хамначчыттары кытта оонһуурбун көрдөбүнэ, мөбөөччү* [8, с. 8]... / Отец ругает меня, если видит, что я играю со слугами; *Кинилэр, аҕам суох буолабына, чэйдии-чэйдии былтыгыны ырытааччылар* [26, с. 218]. / Когда нет отца, они пьют чай и вспоминают прошлое. В условных предложениях с повторяющимися событиями многократность может быть конкретизирована как повторяемость на некотором отрезке прошлого; или как обычность, регулярность в определенном временном плане; или как обобщенное, мыслимое вне времени [5, с. 244].

3. Характеризовать субъект может указание на привычку осуществлять какое-либо действие или же на потенциальную склонность, приверженность к действию, выраженные с помощью формы наклонения обычно совершаемого действия. Решающую роль при этом играет тип субъекта (конкретный или обобщенный). Конкретный субъект – одно из отличительных свойств такой разновидности как *индивидное состояние*, обозначающей ситуации, имеющие место в течение длительного времени и «описывающие существенные для самого индивида свойства» [25, с. 89]. Например: *Кини хойутаан кэлээччи* [18, с. 219]. / Он всегда опаздывает; *Ленька быһаарсарын онугар маннай сутуруга кэлээччи* [26, с. 341]. / Вместо того чтобы разобраться, у Леньки всегда первыми в ход идут кулаки; *Огдооччуйа... ийэбин хайа талбыт үгэргээн-хоһорбоон, мөҕөн тахсааччы* [Там же, с. 244]. / Авдотья... (постоянно) безнаказанно оскорбляет, ругает мою мать.

Здесь также часто используются условные конструкции: *Кини мунаардабына нууччалааччы* [12, с. 27]. / Он, если растеряется, сразу начинает говорить по-русски; *Охсуһабына кини кинэ дөбөннүк ааһааччы* [Там же, с. 346]. / Если подерется, у него сразу весь пыл улечивается; *Ийэм сэрии сылларын санаатабына, ийэтэ, балта хайдах өлбүттэрин, бэйэтэ хайдах нэһилэ тыыннаах хаалбытын аҕыннар эрэ, ытамный-бытынан барааччы* [26, с. 219]. / Моя мать сразу начинает плакать, если вспоминает годы войны, как умерли ее мать и сестра, как ей самой еле удалось выжить; *Кини кылаас иннигэр табыстабына, куруутун бэйэтин буруйдамытты тыттааччы* [Там же, с. 5]. / Если он выходит к доске, у него всегда виноватый вид.

Для выражения данного значения также часто используется отрицательная форма наклонения обычно совершаемого действия, образуемая аналитическим способом (причастие на *-ааччы/-чы* с аффиксами принадлежности + имя отрицания *суох*): *Кинилэр кини тылын истээччилэрэ суох* [7, с. 308]. / Они (дети) обычно не слушаются; *Суох, кини кыра аайы уолууааччыта суох, киниэнэ нервэтэ бөбө буолуохтаах* [Там же]. / Нет, она (обычно) не беспокоится по пустякам, нервы у нее крепкие; *Маня... олохтоох улахан кэпсэтиигэ кыттааччыта суох* [26, с. 228]. / Маня... (обычно) не участвует в серьезных разговорах и т.п. Семантика причастий на *-ааччыта суох* определяется как обычное, привычное и постоянное несовершенство действия.

Иногда аффикс наклонения обычно совершаемого действия может присоединяться к вспомогательному глаголу с аспектуальным значением кратковременности, начинательности, длительности: *«истэбин дуо?» ди-ди-ди уҥа илиһтинэн аттыгар олорооччуну анһан, имнэнэн ылааччы* [17, с. 131]. / Со словами: «Ты это слышал?», он имеет обыкновение правой рукой легонык толкать в бок сидящего рядом человека; *Уһун Уйбаан уонна Чиптэрдээх өрүү итинниктэр. Ол быһыгар эмиэ көнсөн, хардарыта доҕор дэсидэн барааччылар* [13, с. 105]. / Иван Долговязый и Чепярядах всегда такие. Помирившись, (по обыкновению) начинают обращаться друг к другу «дружок»; *...диэн лэбэйдээн тахсааччы* [Там же, с. 85]. / ...обычно начинает надоеливо повторять одно и то же и т.п.

В качестве субъекта могут выступать не только люди, но и животные. Чаще всего это – домашние животные, обладающие своими уникальными способностями, нравом, повадками. Например: «*Сапыйялаах*» *диэн кырдыаҕас ынах олус күүрөһүт. Оннооҕор ампаар, дьыа аанын аһааччы* [26, с. 201]. / Для старой коровы по кличке Сапыйялах ни одна изгородь не помеха. Она умеет открывать даже двери дома или амбара; *Манньык түбэлтэҕэ дьоруо обус... биир кэм күүл диэки дьүккүйэн иһээччи, уу кытыытын булан эрэ баран тохтооччу* [13, с. 96]. / В таких случаях наш бык-иноходец... устремляется прямо к озеру и останавливается, только достигнув кромки воды и т.д.

4. Одним из наиболее значимых среди классификационных признаков повторяемости является степень нелокализованности действия во времени. В зависимости от абстрагированности действия от конкретного момента (отрезка) времени, повторяемость может быть не только конкретной, узуальной, но и обобщенной (*генерической*). Данный тип повторяемости напрямую зависит от обобщенности его субъекта и является периферийной зоной, смежной с явлением вневременности [14, с. 10]. Участие в данной ситуации является постоянным свойством некоторого класса субъектов, в качестве которых могут выступать не только люди и животные, но и неодушевленные предметы, явления: *Арай ийэ эрэ оҕотун аатын хаһан да умнубат, мэлдьи саныы, ахта сьылдыааччы* [8, с. 70]. / И только мать никогда не забывает имя своего ребенка, всегда помнит его; *Холуочук киһи өйүгэр кирибитин бишири наар лэбэйдээн таһааччы* [26, с. 211]. / Подвыпивший человек имеет обыкновение повторять одно и то же, что взбредет ему в голову; *(Эһэ) ардьыгыныы сатаан баран, ыксаатабына, чакыйа-чакыйа сири таһыйааччы ээ* [10, с. 218]. / А ведь он (медведь), ничего не добившись угрожающим рыком, от отчаяния начинает кричать и ожесточенно колотить по земле лапами; *...хаппыт эт сииккэ бэрт дөбөннүк үллээччи уонна түргэнник буорту буолааччы* [Там же, с. 217]. / ...сушеное мясо во влажной среде обычно довольно быстро разбухает и очень скоро портится; *Саас эрдэ куруутун да тыаллаах буолааччы* [26, с. 312]. / Ранней весной почти всегда бывает ветрено.

Генерическое значение описывает ситуацию, которая имеет «вневременной» характер, т.е. данная ситуация имеет место не только в настоящем, но также имела место и в прошлом, и будет иметь место в будущем [25, с. 103]. Как можно заметить, в подобных предложениях часто используются лексические средства с семантикой постоянства, обычности действия (*мэлдьи* 'всегда', *наар* 'все время', *куруутун* 'постоянно').

Лишены субъектной конкретизации и условные конструкции, сказуемое зависимой части которых оформлено причастием на *-тах* в дательном падеже простого склонения *-тахха*. С помощью них передаются обобщенные события, не соотношенные с определенным планом абсолютного времени [5, с. 248]. Например: *Сири-уоту ыраастаабат буоллааха, итигирдик буолан хаалааччы* [10, с. 208]. / Если за угожьями постоянно не ухаживать, то всегда так бывает (т.е. зарастают).

Отдельного рассмотрения требуют предложения с конструкциями *баар буолааччы* 'бывает': *Киһи уонсай тылы булбат дьоно баар буолааччы* [26, с. 205]. / Бывают иногда люди, которые не могут найти общий язык с друзьями; *Оннук оҕо баар буолааччы, көннөрүтүгэр чап курдук, оттон уруокка өлөн түһэр* [Там же, с. 74]. / Бывают такие дети, что вне класса очень бойкие, а на уроке сами не свои; *Оннук уолаттар арыт баар буолааччылар: харыйаны таннары соспут курдук дьон* [Там же, с. 169]. / Иногда встречаются такие парни: чрезвычайно упрямые и несговорчивые люди; *Оннук сьылгы баар буолааччы, сорууйан киитэрэйдиир: кыратык үлэшир, үгүстүк аһыыр* [Там же, с. 124]. / Попадают такие лошади, которые умышленно хитрят: мало работают и много едят. По сравнению с другими ситуациями, в таких случаях менее всего выражена семантика повторяемости.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности функционирования наклонения обычно совершаемого действия, можно прийти к выводу, что данная форма выступает в якутском языке как основной хабитуальный маркер, участвующий в выражении множества разновидностей хабитуальности. Но в зависимости от характеристики субъекта, лексических показателей, контекстуального оформления, вместо значения повторяемости могут возникать явления переходного плана, смежные с понятием вневременности.

Список литературы

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. Беглингк О. Н. О языке якутов / пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 646 с.
3. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
4. Винокурова Н. И., Винокуров И. П. Наклонения в якутском и английском языках: сравнительный анализ // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2012. № 2 (5). С. 98-107.
5. Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995. 336 с.
6. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
7. Заболоцкий Н. М. Күн да уһун (День длинный): рассказы, повести, очерки и воспоминания. Якутск: Якуткнигоиздат, 1968. 488 с.
8. Золотарев Н. Г. – Якутский. Төлкө (Судьба): роман. Якутск: Кн. изд-во, 1988. 704 с.
9. Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 307 с.
10. Кулаковский Р. А. Сэһэннэр, кэпсээннэр (Повести, рассказы). 2-е изд. Якутск: Кн. изд-во, 1984. 280 с.
11. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.
12. Мординов Н. Е. – Амма Аччыгыя. Сааскы кэм (Весенняя пора): роман. Якутск: Бичик, 1994. 360 с.
13. Никифоров И. П. Сүрэх кэпсири (Рассказ от сердца): повести. Якутск: Кн. изд-во, 1974. 344 с.
14. Панова Г. И. Выражение повторяемости действия в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1979. 22 с.
15. Поппе Н. Н. Учебная грамматика якутского языка. М.: Центриздат, 1926. 120 с.

16. Самсонова Е. М. Категория итеративности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность. Новосибирск: Наука, 2013. С. 178-224.
17. Сорев М. Г. Эргилилэм алааспар хайаан да (Вернусь в родной алас): рассказы. Якутск: Бичик, 2009. 192 с.
18. Софронов А. И. – Алампа. Айымньылар (Сочинения). в 4-х т. Якутск: Бичик, 2005. Т. 2. Стихи, поэмы, рассказы, очерк, статьи. 448 с.
19. Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985. 216 с.
20. Федоров Д. С. – Дмитрий Таас. Кыһыл көмүс хорууп (Золотой гроб): повести, рассказы. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 376 с.
21. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. Ч. 1. Фонетика и морфология. 312 с.
22. Хитров Д. Краткая грамматика якутского языка. М.: Синодальная типография, 1858. 137 с.
23. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций: коллективная монография / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 5-53.
24. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 2001. 287 с.
25. Шулинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дисс. ... к. филол. н. М., 2005. 372 с.
26. Яковлев В. С. – Далан. Дьикти саас (Удивительная весна): повесть. Якутск: Кн. изд-во, 1978. 344 с.

THE MOOD OF A USUALLY PERFORMED ACTION IN THE YAKUT LANGUAGE: PECULIARITIES OF SEMANTICS AND FUNCTIONING

Samsonova Ekaterina Maksimovna, Ph. D. in Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
samsonova_em@mail.ru

In this article the form of the mood of a usually performed action is considered as one of the main synthetic means of expression of the iterative category. Acting as a habitual marker, the mentioned means gives the utterance the semantics of regular / irregular recurrence. In the process of singling out such kinds as individual state and generic meaning the subject type (specific or generic) plays the crucial role. Depending on the degree of non-localization of the action in time the phenomena of the transition type adjacent to the notion of timelessness occur.

Key words and phrases: the Yakut language; functional-semantic category; iteration; mood of a usually performed action; habituality; individual state; generic meaning.

УДК 811.111

*В представленной статье рассматривается сочинительный союз **and**, как один из универсальных маркеров интеграции сложноподчиненного предложения с придаточными времени в более широкий контекст. Сочетание **and when** трактуется как составной союз, определяется также позиционное варьирование придаточного предложения. Таким образом, постпозиция или интерпозиция придаточного времени расценивается как вариант, то есть синтагматическое проявление инварианта.*

Ключевые слова и фразы: модель; инвариант; маркер; присоединительный союз; присоединительно-подчинительная связь; структурный параллелизм; синтактико-интонационное единство; семантическая соотнесенность компонентов.

Семенова Мария Владимировна, к. ист. н.
Бурятский государственный университет
smv_1978@mail.ru

ТЕКСТОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМ ВРЕМЕНИ С СОЮЗОМ *WHEN*

В качестве основного объекта в статье рассматриваются сложноподчиненные предложения (СПП) с придаточным времени, позиционная вариативность составных частей СПП на фоне широкого контекста, а также роль сочинительного союза *and*, который специализируется не только для связи компонентов внутри СПП, но за его пределами, являясь показателем внешних синтагматических связей. Он также способствует структурно-семантической организации текста.

В настоящее время для современных синтаксических исследований является характерным изучение предложения в синтагматическом аспекте. Лингвистика текста сосредоточила свое внимание на изучении закономерностей включения предложения в текст. При этом подчеркивается, что в контекстно-связанном предложении структурная схема реализуется иначе, чем в изолированном предложении. Предложение изучается во всех его вариантах, как некая статическая система устоявшихся моделей.

Как известно, модели предложений определяются посредством союза, а их варианты соответственно позицией придаточного в цельном предложении [5, с. 26]. Исходя из такого понимания объекта, мы определяем